

Ф. А. Селезнев, А. В. Евдокимов

НЕКОТОРЫЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ОТСТАВКИ ВОЕННОГО МИНИСТРА СУХОМЛИНОВА

В статье анализируется значение PR-кампаний в политической борьбе накануне Февральской революции. В качестве примера рассмотрены PR-кампании против военного министра В. А. Сухомлинова. Авторы показывают, что их организаторами были А. И. Гучков и М. М. Андроников. Впервые вводятся в научный оборот и исследуются пропагандистские тексты, компрометирующие В. А. Сухомлинова. Дается определение понятиям «пиар» и «пропаганда». Авторы развивают тезис историка Б. Н. Миронова о применении PR-технологий в политической борьбе в Российской империи в начале XX в., полагая, что контрэлита Российской империи накануне и в годы Первой мировой войны в борьбе за власть использовала не пропаганду, ведущую к монологу, а PR-технологии, подразумевающие ведение диалога с обществом через средства массовой информации. Авторы рассматривают PR-кампании против генерала Сухомлинова как элемент информационной войны контрэлиты Российской империи против монарха и сочувствующей ему части элиты, в результате которой произошла Февральская революция. Показана роль лидера партии октябристов А. И. Гучкова и газеты «Вечернее время» в организации PR-кампании по дискредитации полковника Мясоедова в 1912 г. Также авторами показана роль князя М. М. Андроникова в создании и распространении дискредитирующей информации против военного министра В. А. Сухомлинова. Выявлены помощники Андроникова, которые помогали ему составлять анонимные письма о Сухомлинове и других высших государственных деятелях. Авторы доказывают, что в борьбе с В. А. Сухомлиновым А. И. Гучков и М. М. Андроников сотрудничали. PR-кампания 1912 г. имела частичный успех. С. Н. Мясоедов был уволен со службы, а В. А. Сухомлинов сохранил свой пост. PR-кампания 1915 г. достигла цели, в результате генерал Сухомлинов был отправлен в отставку. Пиар-технологии накануне Февральской революции становились все более эффективным оружием в политической борьбе. Библиогр. 39 назв.

Ключевые слова: Первая мировая война, В. А. Сухомлинов, А. И. Гучков, М. М. Андроников, великий князь Николай Николаевич, Государственная дума, PR-технологии.

Для цитирования: Селезнев Ф. А., Евдокимов А. В. Некоторые обстоятельства отставки военного министра Сухомлинова // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2017. Т. 62. Вып. 3. С. 481–496. DOI: 10.21638/11701/spbu02.2017.304

F. A. Seleznev, A. V. Evdokimov

SOME CIRCUMSTANCES OF THE RESIGNATION OF THE MILITARY MINISTER SUKHOMLINOV

The article analyzes the significance of PR campaigns in the course of the political struggle on the eve of the February Revolution. Here we describe one example of a PR campaign against the Military Minister V. A. Sukhomlinov. The authors demonstrate the role of A. I. Guchkov and M. M. Andronikov as their initiators. The propagandistic texts which discredit V. A. Sukhomlinov are introduced into scientific discourse and analyzed for the first time. The definition of 'public relations' and 'propaganda' is made.

Селезнев Федор Александрович — доктор исторических наук, профессор, Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Российская Федерация, 603005, Нижний Новгород, ул. Ульянова, 2; fseleznev@mail.ru

Евдокимов Артем Владимирович — ассистент, Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Российская Федерация, 603005, Нижний Новгород, ул. Ульянова, 2; Artemius2014@yandex.ru

Seleznev Fedor Aleksandrovich — Doctor in History, Professor, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, 2, Ulianova str., Nizhni Novgorod, 603005, Russian Federation; fseleznev@mail.ru

Evdokimov Artem Vladimirovich — Assistant, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, 2, Ulianova str., Nizhni Novgorod, 603005, Russian Federation; Artemius2014@yandex.ru

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2017

The authors explain the thesis of historian B. N. Mironov about using PR technologies in the Russian Empire's political struggles at the beginning of the 20th century. A. V. Evdokimov and F. A. Seleznev suppose that the counter-elite of the Russian Empire used not propaganda in its struggle for power, which leads to monologue, but PR technologies, which suppose a dialogue with society through the mass media on the eve and during World War I. The authors analyze PR campaigns against Gen. Sukhomlinov as an element of the broader information warfare waged by the counter-elite of the Russian empire against the monarch and a section of the loyal elite finally resulting in the February Revolution. The role of the leader of the Octobrists, A. I. Guchkov, and the newspaper 'Vechny Vremya' in the organization of the PR campaign for discrediting Col. Myasoedov in 1912 is also demonstrated. Also the role of Prince M. M. Andronikov in the creation and distribution of information to discredit the Military Minister V. A. Sukhomlinov is also proven by the authors. The identities of the assistants of Andronikov, which helped him to draw up the anonymous letter about Sukhomlinov and other senior statesmen are uncovered. The authors prove that A. I. Guchkov and M. M. Andronikov cooperated in the struggle against V. A. Sukhomlinov. The PR campaign of 1912 had partial success. S. N. Myasoedov was dismissed but V. A. Sukhomlinov saved his public post. The PR campaign of 1915 was successful because Gen. Sukhomlinov was dismissed. PR technologies on the eve of February Revolution became more and more effective weapons of political struggle. During the process of writing the article 35 bibliographical titles were used. Refs 39.

Keywords: World War I, V. A. Sukhomlinov, A. I. Guchkov, M. M. Andronikov, Grand Duke Nicholas Nikolaevich, State Duma, PR technologies.

For citation: Seleznev F. A., Evdokimov A. V. Some circumstances of the resignation of the military minister Sukhomlinov. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2017, vol. 62, issue 3, pp. 481–496. DOI: 10.21638/11701/spbu02.2017.304

«Делу Сухомлинова» посвящена большая литература [Евдокимов, Селезнев 2014а, 2014б]. В данной работе оно рассматривается в контексте информационной войны, которую вели против царского режима его противники в годы, предшествовавшие Февральской революции. В этот период новым элементом политической борьбы стало использование пиар-технологий.

Понятие «пиар» (от англ. PR — public relations, отношения с общественностью) прочно вошло в российский политический обиход. Оно широко используется политологами. Недавно Б. Н. Миронов показал правомерность применения этого термина и для описания исторических процессов. Он, опираясь на работы теоретиков пиара, описал в контексте истории России начала XX в. традиционные PR-приемы в политике, а также отличия пиара от пропаганды. Согласно Миронову, если пропаганда — это «принуждающее, безальтернативное воздействие на людей с целью манипулирования массовым сознанием», которое «может действовать в режиме монолога», то «пиар без общения с публикой и при отсутствии обратной связи становится как технология бесполезным, превращаясь, по сути, в пропаганду». Поэтому при демократии (или хотя бы при режиме с элементами демократии), «где в той или иной форме существует гражданское общество, где есть достаточно свободная пресса, действуют политические партии или хотя бы политически значимые социальные группы с разными интересами, пропаганда как жесткое, безальтернативное, принуждающее воздействие на умы становится неэффективной». В результате политики вынуждены использовать технику пиара — «идти на диалог с публикой со всеми вытекающими из этого демократическими последствиями». Таким образом, пиар является элементом демократического государства [Миронов 2012, с. 611–617].

Как «профессиональная деятельность» пиар пришел в Россию в конце XX в., но пиар-технологии применялись и ранее, в частности, в годы Первой мировой

войны. В качестве одного из примеров Б. Н. Миронов приводит «раздутое прессой и оппозицией в 1915 г. беспочвенное обвинение военного министра В. А. Сухомлинова и полковника С. Н. Мясоедова в предательстве, приведшее первого к отставке и суду, а второго — к смертной казни» [Миронов 2012, с. 614].

«Дело Сухомлинова» и будет объектом нашего исследования. Наша цель — выяснить, являлась ли атака на военного министра PR-кампанией в классическом понимании и, исходя из этого, выявить особенности и степень значимости пиар-технологий в политической жизни России начала XX в.

Отправной точкой «дела Сухомлинова» следует считать март 1915 г., когда ползли порочащие генерала слухи. Поводом для их распространения стал арест обвиненного в шпионаже в пользу Германии полковника С. Н. Мясоедова, бывшего когда-то сотрудником военного министра. 10 марта 1915 г. Сухомлинов жаловался в письме к своему приятелю, начальнику штаба верховного главнокомандующего Н. Н. Янушкевичу: «В Петрограде создалась атмосфера прямо невозможная: дразги, сплетни, клевета приняли прямо невозможные размеры». Далее генерал приводил образчики столичных слухов: «У меня на квартире был обыск, и я подал в отставку, не бываю, поэтому, ни на каких заседаниях и т. п. вздор» [Переписка В. А. Сухомлинова 1923, с. 45].

Среди распространителей порочащих его слухов Сухомлинов в дневнике называет А. И. Гучкова, своего бывшего помощника генерала А. А. Поливанова и князя М. М. Андроникова [Дневник генерала Сухомлинова 1920, с. 229].

Некоторые современники возмущались действиями лидера октябристов, поскольку, «обвиняя других, Гучков не имел привычки представлять доказательства» [Курлов 1991, с. 188]. Впрочем, это лишь означает, что он был блестящим мастером пиар-технологий. Гучков, как никто другой из современных ему политиков, умел создавать информационные поводы для популяризации своей персоны и дискредитации оппонентов. Кроме сенсационных речей с думской трибуны это, например, были вызовы противников на дуэль. Гучков также был организатором успешных PR-кампаний. Одна из них, наиболее резонансная, была направлена против императрицы Александры Федоровны (распространение ее поддельных писем к Распутину). Жертвой другой PR-кампании Гучкова стал военный министр В. А. Сухомлинов.

Гучков хотел видеть на этом посту генерала А. А. Поливанова, с которым был связан. (Поливанов с 1906 г. служил помощником военного министра и плотно контактировал с думской комиссией по государственной обороне, которой руководил Гучков.) Первую попытку провести Поливанова в военные министры Гучков предпринял в 1909 г., когда этот пост занимал А. Ф. Редигер. В результате комбинации, разработанной Гучковым и Поливановым (она подробно описана в воспоминаниях В. А. Сухомлинова [Сухомлинов 1926, с. 187]), Редигер был отправлен в отставку. Но вопреки расчетам Гучкова Николай II сделал военным министром не Поливанова, а В. А. Сухомлинова.

Убедившись, что Сухомлинов не хочет идти с ним на контакт, Гучков в 1910 г. ополчился на нового военного министра. Он решил дать ему бой во время обсуждения сметы военного министерства в Государственной думе. С целью найти материал для претензий Гучков в феврале 1910 г. обратился к А. А. Поливанову, сохранившему пост помощника военного министра. Гучков сказал, что «ему надо изы-

сказать что-нибудь, чтобы поставить военному министру на вид» [Поливанов 1924, с. 95–96]. Однако никаких существенных претензий предъявить не удалось.

Когда А. И. Гучков убедился, что с помощью деловой критики отправить Сухомлинова в отставку не получится, он решил «свернуть шею» своему противнику «на скандале» [Александр Иванович Гучков 1993, с. 95]. Неоценимую помощь Гучкову вновь оказал А. А. Поливанов. (Между ним и Сухомлиновым все сильнее нарастали личные и служебные разногласия.) До Сухомлинова дошло, что Поливанов рассказывает собеседникам о том, как военный министр «навалил все дело на него», а «сам только ездит» по стране, чтобы получать крупные командировочные и покупать на них наряды для своей молодой супруги [Поливанов 1924, с. 105–106].

Эта тема могла серьезно скомпрометировать военного министра, учитывая, что женитьбе В. А. Сухомлинова на Екатерине Бутович предшествовал ее скандальный развод с первым мужем. Будущая супруга военного министра была замужем за киевским дворянином Владимиром Бутовичем. Осенью 1905 г., когда она лечилась на юге Франции, у нее завязался роман с Сухомлиновым (тогда — киевским генерал-губернатором). Бутович не хотел давать жене развод, но Синод в итоге дал на него добро, и в ноябре 1909 г. Сухомлинов (уже военный министр) сочетался браком с любимой женщиной [Freeze 2003, p. 196–200].

В 1909 г. эта история не вызвала особого интереса у прессы. Но через три года (в мае 1912 г.) она оказалась в центре внимания газетчиков. В газете «Вечернее время», тесно связанной с А. И. Гучковым, вышло интервью с В. Н. Бутовичем. Затем оно было перепечатано в ряде газет, включая кадетские «Русские ведомости» (хотя названная газета традиционно критиковала Гучкова и являлась постоянным оппонентом «Нового времени» и «Вечернего времени»). Интервью изобиловало скабрёзными подробностями. Первый муж Е. В. Сухомлиновой рассказал, что, будучи киевским генерал-губернатором, В. А. Сухомлинов требовал у него дать согласие на развод, в противном случае угрожал поместить его в «дом умалишенных» или выслать «в отдаленные места» (Русские ведомости, 1912, 8 мая). Также Бутович заявил, что развод был совершен с помощью лжесвидетельства о его супружеской измене, причем для этого по указанию Сухомлинова начальник Киевского охранного отделения Кулябко посылал к Бутовичу своих агентов, которые совершали на него нападения, «желая во что бы то ни стало затащить к публичным женщинам» (Русские ведомости, 1912, 8 мая). Аморальность действий Сухомлинова шокировала и обычную публику, и политиков. Депутат Государственной думы В. В. Шульгин квалифицировал его поведение «как нехорошее дело», которое «оправдать нельзя» [Шульгин 1990, с. 259–261].

Как видим, одно и то же событие может и пройти незамеченным, и стать информационным поводом для PR-кампании. Во втором случае оно должно в коротком временном промежутке широко освещаться средствами массовой информации, обрастая интересными для публики подробностями. На волне разогретого читательского интереса любые новые факты, касающиеся персоны скандала, пусть даже относящиеся к ее частной жизни, вызовут у читателей повышенное внимание. Так поднятый через три года шум вокруг развода Бутовичей стал хорошим фоном для вброса политического компромата как на самого Сухомлинова, так и выполнявшего его ответственные поручения полковника С. Н. Мясоедова.

Следует отметить, что деятельность Мясоедова вызывала большие опасения у А. И. Гучкова. Лидер октябристов еще в 1908 г., будучи председателем военной

комиссии Государственной думы, наладил связь с рядом армейских полковников и генералов. Среди них были Н. Н. Янушкевич, А. А. Поливанов, М. В. Алексеев, В. И. Гурко, Н. Н. Головин, А. М. Крымов, А. И. Деникин. Гучков, вступивший в конце 1911 — начале 1912 г. в резкую конфронтацию с Николаем II, хотел сохранить и расширить эти связи. Но теперь сношения с личным врагом царя могли повредить военным. Раньше МВД и военное министерство практически не взаимодействовали. Но с 1910 г. В. А. Сухомлинов требовал принимать во внимание донесения секретной агентуры об офицерах. Анализировать донесения и составлять на их основании отчеты должен был полковник С. Н. Мясоедов [Хутарев-Гарнишевский 2010, с. 86].

Эти отчеты поступали к военному министру и могли сильно помешать карьере друзей Гучкова, что в первую очередь касалось А. А. Поливанова. В начале 1912 г. его деятельность по инициативе Сухомлинова должна была стать объектом расследования Мясоедова (на А. А. Поливанова поступил донос о том, что он сообщил государственные тайны австрийскому послу). Сухомлинов рассказал об этом Поливанову, что чрезвычайно обеспокоило последнего, так как он только что по личным делам ездил в Австро-Венгрию. Поливанов поделился своими переживаниями с Гучковым [Сухомлинов 1926, с. 189–190]. Тот нанес по Мясоедову и Сухомлинову упреждающий удар, обвинив их, с одной стороны, в организации политического сыска в армии, а с другой — в том, что именно через них идет утечка секретных сведений к австрийцам.

Эта PR-кампания детально описана в воспоминаниях А. И. Гучкова. Сначала он зажег к волнующей его теме интерес прессы, «ткнув» в нее «факел, головешку горящую». Роль «головешки» сыграла публикация в подконтрольной Гучкову газете «Вечернее время» (лидер октябристов был крупным пайщиком акционерного общества, которому принадлежало это издание). Гучков вызвал редактора «Вечернего времени» Бориса Суворина и сказал ему: «Вот что мне надо. Неблагополучно у нас в разведке. Мне хочется по этому поводу поставить вопрос на обсуждение в Государственной думе. Вы должны мне дать повод».

Б. А. Суворин здесь выступил в роли пиарщика, который по заказу политика создает информационный повод для начала PR-кампании. 13 апреля в «Вечернем времени» появилась статья «Кто заведует в России военной контрразведкой», в которой сам Суворин под псевдонимом «Персу» написал об утечке тайн из военного министерства, прозрачно намекнув, что это началось с появлением Мясоедова. При этом Суворин ни разу не назвал Мясоедова по фамилии, употребляя такие иносказания, как «подполковник» и «жандармский офицер», а Сухомлинова называя словом «сановник» (Вечернее время, 1912, 13 апр.). Любопытно, что в этом же номере Борис Суворин под своим именем поместил заметку с говорящим названием «Кошмар», в заключении отметив, что «опасность уже не у стен нашего военного дела, она в его стенах и тихо, но верно разъедает могучую русскую военную силу» (Вечернее время, 1912, 13 апр.).

Возмущенный Мясоедов оскорбил Бориса Суворина действием. Естественно, это еще больше подогрело интерес прессы к персоне Мясоедова. Соответственно настал момент для следующего информационного вброса. «Я тогда вызываю к себе корреспондента “Нового времени” Ксюнина, — вспоминал Гучков, — и диктую ему интервью со мной, как будто он пришел ко мне и спрашивает, насколько верны те

сведения. Я вполне подтверждаю, что все это правильно, и жду событий» [Александр Иванович Гучков 1993, с. 97].

«События» не заставили себя ждать. Мясоедов вызвал Гучкова на дуэль. Интерес общества к теме достиг пика. Тогда Гучков попросил созвать заседание думской комиссии по государственной обороне. Там он обвинил Мясоедова в информировании вероятного противника, а Сухомлинова — в организации политической слежки за офицерами. На этом этапе к PR-кампании подключились другие газеты, как те, на которые Гучков мог влиять («Вечернее время», «Голос Москвы»), так и те, на которые он не имел рычагов воздействия («Биржевые ведомости», «Земщина», «Речь»). Все они активно муссировали тему утечки секретной информации из военного министерства, а также вопрос о вмешательстве Сухомлинова в бракоразводный процесс Бутовичей в 1909 г. (Вечернее время, 1912, 23 апр.; Голос Москвы 1912, 17, 21, 22 апр.).

Недоступные влиянию Гучкова органы печати публиковали подобные материалы, поскольку их скандальный характер начал все более привлекать читателей, а значит, обеспечивал газетам хороший уровень продаж. В итоге этой информационной волны встал вопрос об отставке Сухомлинова (Биржевые ведомости, 1912, 13 апр.; Земщина 1912, 17 апр.; Речь, 1912, 21, 22 апр.). Но Николай II, зная по истории с письмами императрицы моральную нечистоплотность Гучкова, министерский пост за Сухомлиновым сохранил. Однако Мясоедова, попавшего в эпицентр скандала и совершившего два правонарушения (оскорбление действием и участие в дуэли), В. А. Сухомлинов был вынужден уволить. В. Н. Коковцов отмечал, что Гучкову «только это и было нужно» [Коковцов 1991, с. 119]. Что касается военного министра, то он был дискредитирован в глазах депутатов. Один из них, П. Н. Милюков, в эмиграции вспоминал что «для Думы была ясна личность Сухомлинова, его старческая расслабленность, полная неосведомленность в деловых вопросах, крайняя небрежность в использовании щедро отпускаемых кредитов» [Милюков 1991, с. 367].

Естественно, отношения Мясоедова с военным министром, не отстоявшим своего подчиненного, оказались испорчены. Тем не менее для потребителя массовой информации имена Сухомлинова и Мясоедова теперь были прочно связаны. Это дало возможность врагам военного министра после ареста Мясоедова в 1915 г. начать новую кампанию по дискредитации Сухомлинова [Фрейнат 1918; Шацилло 1967; Катков 1997; Тарсаидзе 2007; Айрапетов 2009; Фуллер 2009]. В первой половине марта 1915 г. на военного министра обрушился мощный шквал компромата, связанный с этим арестом. 4 марта 1915 г. В. А. Сухомлинов с тревогой писал Н. Н. Янушкевичу: «Злополучный наш Петроград в последнее время переполнен такой массой слухов и сплетен, что уши вянут. В этот столично-провинциальный огонь подлили масла мясоедовским арестом. Какие на этом фоне вышивают узоры, нет возможности передать» [Переписка В. А. Сухомлинова 1923, с. 39].

Царь в этой ситуации опять поддержал Сухомлинова. Когда великий князь Андрей Владимирович спросил, знает ли царь о ведущейся против военного министра клеветнической кампании, император ответил: «Кому ты это говоришь, знаю и слишком хорошо, но в обиду его не дам и скорее сам восстану за него, но его не тронут. Завистников у него очень много. Хотели его вмешать в дело Мясоедова, но это им не удастся» [Романов 2008, с. 139]. Таким образом, А. И. Гучков и А. А. Поливанов опять не добились отставки Сухомлинова.

Как мы помним, в марте 1915 г. среди распространителей порочащих его слухов В. А. Сухомлинов кроме Поливанова и Гучкова назвал также М. М. Андроникова. Причем Андроникова Сухомлинов аттестовал как «самый вредный злак в нашем питерском болоте» [Переписка В. А. Сухомлинова 1923, с. 45].

Князь Андроников (1875–1919) имел знатное происхождение. По отцу, ротмистру князю М. А. Андроникову, адъютанту великого князя Михаила Николаевича, он был грузинским князем. По матери, Софии Агнес Эве, дочери генерала от кавалерии барона Леонгарда Карловича Унгерн фон Штернберга, он принадлежал к старинному немецкому роду. В 1897–1914 гг. М. М. Андроников состоял чиновником особых поручений при Министерстве внутренних дел (1897–1914), а затем чиновником особых поручений при обер-прокуроре Святейшего Синода (1914–1915) [Стогов 2006, 2014].

Хозяин политического салона правого толка Андроников в течение ряда лет планомерно и очень профессионально собирал информацию о должностных лицах государства, которую потом использовал для дискредитации одних чиновников и продвижения других. При обыске на квартире князя после Февральской революции был изъят огромный архив. Следователь Чрезвычайной следственной комиссии (далее — ЧСК) Временного правительства В. М. Руднев вывозил этот архив на двух автомобилях. Руднев вспоминал, что «канцелярская часть» была поставлена у Андроникова безукоризненно: «Все делопроизводство его разбиралось по папкам на определенные министерства, которые, в свою очередь, распадалась на департаменты. Дела оказались вложенными в обложки с соответствующими надписями, подшитыми, занумерованными и свидетельствовали о тщательном наблюдении со стороны князя Андроникова за их движением» [Руднев 1922, с. 49].

Данные слежки за Андрониковым показывают, что князь содержал при себе небольшой штат сотрудников, каждый из которых выполнял определенные функции. Переписчиками бумаг у него служили И. И. Радужкевич, «64 лет, католик» (он же иногда писал статьи в газеты), и Б. К. Майоров, «18 лет, православный, петроградский мещанин». Майоров перепечатывал на пишущей машинке анонимные «записки», по своему содержанию — «доносы на разных высокопоставленных лиц, чем-либо навлекших на себя неудовольствие князя М. М. Андроникова». В составлении «записок» обычно принимал участие также давний знакомый Андроникова Драгомирецкий, служивший в Департаменте духовных дел иностранных исповеданий [Агентурные производства 1914, л. 136].

В нашем распоряжении имеются тексты двух «записок», которые относятся, предположительно, к марту 1915 г. и направлены против В. А. Сухомлинова. Первая «записка» начинается с публицистически заостренной преамбулы: «Война — событие столь громадной важности для великих государств, вместе с тем является знаменательной и для отдельных лиц. Она родит героев и негодяев; развенчивает одних, а других покрывает славой. Для важных Государственных деятелей, Министров — война есть государственный экзамен, который наш Военный Министр, Владимир Александрович Сухомлинов, к несчастью, не выдержит; ибо, чтобы выдержать такое испытание, нужно быть честным человеком, с твердым характером, любить родину и дело, которому служишь, а не хвастать и сыпать фразами; сваливать трудную и ответственную работу на других, а самому затем пожинать лавры совершенно незаслуженно». Но хуже всего было то, что генерал не имел своей воли. «Он весь во власти

своей супруги и её раб; послушное орудие в руках этой ужасной женщины. Он живет ею, дышит ею». Ради нее он берет взятки, ибо без «посторонних доходов» не мог бы «удовлетворять безумных требований своей супруги, которая окружает себя неимоверной роскошью». В «записке» приведены и примеры взяток — от французской авиационной фирмы Депердюсен, а также за внедрение ножниц для резки колючей проволоки, изобретенных полковником Н. А. Гулькевичем. Все взятки берутся через кузена госпожи Сухомлиновой Гошкевича. Генерал не только берет взятки, но и играет на бирже, а также завел знакомство с «темными лицами, вроде г. Альтшиллера, австрийского подданного», которого «в Киеве все считали шпионом и негодяем». Сама госпожа Сухомлинова собирает огромные пожертвования на помощь раненым, но на собранные 200 тыс. руб. оборудовала 180 кроватей, между тем «на эту сумму можно было устроить минимум 2 тысячи кроватей». Кроме того, военный министр «боится соперничества и сравнений с ним самим; оттого его ставленники — одно горе, а такие выдающиеся люди, истинные герои и воины, как Иванов, Ренненкампф, Рузский и Алексеев, преследуются им» [Анонимные письма 1915, л. 8–13].

Вторая известная нам «записка», относящаяся к весне 1915 г., представляет собой, по-видимому, подготовительный материал для первой. Поэтому ниже мы будем называть первую «записку» «беловиком», а вторую — «черновиком».

«Черновик» лишен преамбулы. Некоторые сюжеты, имеющиеся в «беловике», здесь лишь конспективно намечены:

«50 тысяч за автомобили, заказанные теперь в Англии.

50 тысяч за аэропланы Морана.

200 тысяч франков за Депердюсена.

150 тысяч рублей за прожектора для армии с завода Промет. Директор Метельников.

Прежние грехи:

Максим Виккерс. Русско-Балтийский Завод — директора Сыромятников и Чоглоков.

Суммы в точности неизвестны.

Дружба с Альтшиллером

Биржа.

Гонение достойнейших генералов».

Один сюжет, наоборот, описан в «черновике» более подробно. В его центре — жена Сухомлинова, получившая от «богача Манташева» около 300 тыс. руб., «из них двести тысяч рублей на устройство госпиталя». При этом она «не нашла возможным» устроить «на эту огромную сумму более 150 кроватей», в то время как на те же деньги, по мнению автора, можно было оборудовать не менее 1 тыс. кроватей. Но зато «госпиталь обставлен совершенно излишнею роскошью: роскошная гостиная обставлена дорогою мебелью, фарфором, ценными растениями и т.д.» [Анонимные письма 1915, л. 23–25].

Интересно проследить, как была отредактирована эта история в «беловике». Во-первых, из нее исчез Манташев. В беловой «записке» Е. В. Сухомлинова транжирит не деньги, одновременно подаренные ей «богачом», а пожертвования, что, конечно, должно было вызвать гораздо большее возмущение общественности. Во-вторых, в два раза увеличилась цифра, обозначающая число кроватей, которые можно было устроить в госпитале на собранные деньги. В «черновике» — «не менее 1.000 кроватей», в беловике — «минимум 2 тысячи кроватей».

Подобное вольное обращение с цифрами характерно для материалов, пускаемых в обращение в ходе PR-кампаний. Однако любой пиар-материал, как правило, имеет реальную основу. В связи с этим возникает вопрос: откуда М. М. Андроников черпал сведения, порочащие В. А. Сухомлинова [Евдокимов 2016]?

Сам он во время суда над генералом в августе-сентябре 1917 г., отвечая на вопрос защиты об источниках информации о «разгульной» жизни Екатерины Викторовны Сухомлиновой или о влиянии генерала Сухомлинова на назначение ряда офицеров, ответил, что слухи исходили от Натальи Илларионовны Червинской, двоюродной сестры В. Н. Бутовича, первого мужа Сухомлиновой. Андроников, по его словам, «сообщал то, что слышал» от нее, и «никаких других источников не имел» [Стенограммы 1917, л. 130–132].

Нужно сказать, что Червинская, несмотря на родство с В. Н. Бутовичем, во время его скандального бракоразводного процесса приняла сторону не кузена, а его жены. Когда Екатерина Бутович вышла замуж за Сухомлинова, Червинская поселилась в их доме. Андроников вел ее денежные дела и стал частым гостем у Сухомлиновых. Однако весной 1914 г. чета Сухомлиновых перестала его принимать. После этого Червинская тоже покинула дом Сухомлиновых. Вместе с Андрониковым они начали борьбу против военного министра [Фуллер 2009, с. 133–134].

Червинская устроила у себя дома салон, где собирала всех недовольных Сухомлиновым. Прежде всего это были его бывшие адъютанты, в свое время им уволенные: Л. И. Булацель, И. В. Горленко, Д. Коломнин. Регулярно бывал там и октябрист С. Т. Варун-Секрет, товарищ по партии А. И. Гучкова [Сухомлинов 1926, с. 258].

Эти военные, а также С. Т. Варун-Секрет, служивший связующей нитью между Гучковым и Андрониковым, через Червинскую снабжали князя компроматом на В. А. Сухомлинова. Андроников обрабатывал эту информацию и пускал в оборот. В связи с этим Сухомлинов желчно написал в мемуарах, что Варун-Секрет и Гучков обслуживали Андроникова [Сухомлинов 1926, с. 274].

На взаимодействие между Гучковым и Андрониковым указывает, кроме того, приводимый в «беловике» перечень «истинных героев и воинов» (Н. И. Иванов, П. К. Ренненкамф, Н. В. Рузский и М. В. Алексеев), преследуемых Сухомлиновым. К весне 1915 г. их репутации как военачальников были не на высоте, а некоторым грозило увольнение. Но все они имели контакты с Гучковым, и он был крайне заинтересован в сохранении за ними высоких постов.

Таким образом, Гучков и Андроников эффективно сотрудничали, правда, через посредников (Варун-Секрет и Червинская). Именно для организационного обеспечения этих связей Червинская и завела свой салон. Такой вариант контактов был выгоден и Гучкову, и Андроникову, в то время как личная встреча скомпрометировала бы их обоих. Для Гучкова нежелательно было демонстрировать свое знакомство с Андрониковым не столько потому, что князь был известен как гомосексуалист, сколько из-за его репутации распутинца (Гучков позиционировал себя как непримиримый враг «старца»). Вместе с тем и Андроникову, пытавшемуся в это время (1914–1915 гг.) с помощью Распутина выйти на Александру Федоровну, нельзя было раскрывать свое взаимодействие с врагом царской семьи Гучковым.

К Распутину Андроников сумел втереться в доверие зимой 1914–1915 гг. Князь начал устраивать в своей квартире на Фонтанке застолья с любимой «старцем» ухой и мадерой (роль хозяйки на этих встречах играла Червинская) [Фуллер 2009,

с. 134]. По воспоминаниям Андроникова, Распутин «вел себя в высшей степени корректно, выпивал одну бутылку мадеры, после которой не пьянел совершенно, вел себя прилично и уходил». Но алкоголь, конечно, делал его разговорчивым. Однажды в порыве откровенности Распутин пожаловался, что Сухомлинов отказался его принимать, назвав «скотиной», и пригрозился «сокрушить» военного министра. Тогда Андроников решил «воспользоваться Распутиным для того, чтобы в Царском Селе раскрыть некоторые действия Сухомлинова» [Падение царского режима 1924, с. 370, 376].

Под «Царским Селом» в данном случае Андроников имел в виду царскую чету. Именно Николай II являлся конечным объектом PR-кампании, которую вели Гучков и Андроников с целью увольнения В. А. Сухомлинова. Ведь только царь мог отправить в отставку военного министра. Однако недругам Сухомлинова не удалось опорочить его в глазах императора. 24 марта 1915 г. военный министр записал в дневнике, что сделал доклад Николаю II и «Государь остался очень доволен» [Дневник генерала Сухомлинова 1920, с. 229].

Тогда по Сухомлинову был нанесен удар с другой стороны. 26 марта 1915 г. Сухомлинов пишет: «Не понимаю, что делает Ставка: запрещено говорить о военных делах, чтобы не попадали к противникам наши сведения, которые могут быть ему полезны. И вдруг из Штаба самого Верховного Главнокомандующего широко волною покатил слух, что у нас нет снарядов, патронов и ружей!?! Все об этом кричат, и масса телеграмм получена в разных местах». Телеграмма Николая Николаевича поступила и на имя Сухомлинова. Она требовала «энергичной доставки снарядов», хотя главнокомандующий не мог не знать, что этот вопрос курировал не военный министр, а генерал-инспектор артиллерии великий князь Сергей Михайлович [Дневник генерала Сухомлинова 1920, с. 229–231].

В литературе распространено мнение, что, муссируя тему нехватки вооружений, верховный главнокомандующий Николай Николаевич пытался снять с себя ответственность за неудачи русской армии. Однако в конце марта русской армии еще сопутствовал успех: 22 марта пал Перемышль. Утечка информации, о которой пишет Сухомлинов, свидетельствует о том, что Николай Николаевич начал подкоп под Сухомлинова до начала отступления русских войск. По нашему мнению, побудили верховного главнокомандующего к этому письма к нему все того же М. М. Андроникова.

О своем письме к великому князю Николаю Николаевичу следователям ЧСК рассказал сам Андроников, однако председатель комиссии Н. К. Муравьев немедленно призвал его «сократить» эту часть рассказа. (Сообщение Андроникова совершенно не вписывалось в установившуюся после Февральской революции трактовку «дела Сухомлинова».) Повинуясь указанию Муравьева, Андроников добавил лишь, что «писал ещё несколько писем и видел, что они попадают на правильную почву» [Падение царского режима 1924, с. 377–378].

Благожелательное отношение великого князя к письмам Андроникова можно отчасти объяснить тем, что когда Николай Николаевич командовал Петербургским военным округом, Андроников находился в добрых отношениях с его помощником генералом М. А. Газенкампом [Падение царского режима 1924, с. 371]. Однако главным было то, что компромат, переданный Андрониковым, позволял верховному главнокомандующему покончить с ненавистным ему военным мини-

стром. Их конфликт начался еще до войны. После ее начала вражда великого князя к Сухомлинову никуда не исчезла. Характерный пример: когда военный министр посетил Николая Николаевича, назначенного верховным главнокомандующим, тот «ни словом не обмолвился ни о своих планах и намерениях», ни о предстоящей совместной работе [Сухомлинов 1926, с. 240].

Регулярные конфликты между великим князем Николаем Николаевичем и Сухомлиновым отмечены в воспоминаниях министра финансов П. Л. Барка. По его свидетельству, Сухомлинов жаловался, что великий князь Николай Николаевич «посылает одну грозную депешу за другой, преувеличивая значение понесенных потерь, требует массовой присылки новобранцев, не дает времени для надлежащего обучения их в тылу, и в результате на фронте скопится большое количество необученных солдат, остающихся неиспользованными, так как там даже не хватает оружия, чтобы снабдить им всю массу людей, высылаемых по срочным требованиям Ставки» [Барк 2016, с. 430]. Объясняя проблему нехватки вооружения, Сухомлинов, вспоминал Барк, «пояснял нам, что заказы были даны в очень большом количестве, с расчетом иметь постоянно достаточный запас снаряжения для удовлетворения потребностей армий. К несчастью, заводы не выполняли контракты. Поставки делались с запозданием, и во многих случаях не было никакой уверенности в том, что фабриканты будут в состоянии выполнить подписанные ими обязательства» [Барк 2016, с. 430].

Обвинение в адрес Сухомлинова в том, что из-за него русская армия испытывает нехватку снарядов, скорее всего, появились в письмах Андроникова к великому князю Николаю Николаевичу с подачи Гучкова. Эту тему Гучков муссировал с начала войны. «А. И. Гучков распускает слухи о недостатках снарядов в армии нашей, плохая услуга давать такие данные противнику», — записал Сухомлинов в своем дневнике еще 14 сентября 1914 г. [Дневник генерала Сухомлинова 1920, с. 225].

Впрочем, военный министр еще раньше понял, что проблема нехватки боеприпасов может принять острый характер, и прилагал необходимые усилия для ее решения [Евдокимов 2015]. Вот запись из его дневника от 8 сентября 1914 г.: «Громадный расход артиллерийских патронов, особенно на юг[о]-зап[адном] фронте. Заводы не успевают изготавливать. Принимаем все меры, но время не ждет, а заводские средства наши слабы» [Дневник генерала Сухомлинова 1920, с. 224]. И уже на следующий день Сухомлинов проводит заседание представителей заводов и банков по вопросу об изготовлении снарядов [Дневник генерала Сухомлинова 1920, с. 224]. Запись от 6 декабря 1914 г.: «Инициатива в руках противника, а у нас начинаются жалобы: пополнение приходит медленно, недостаток снарядов, сапог и т. д. Явление обычное при неудачах» [Дневник генерала Сухомлинова 1920, с. 226]. 10 декабря: «Осмотрел на Петроградской Стороне завод “Метал[лический] и Литейный”, неисправный по изготовлению шрапнелей, и разнес господ распорядителей» [Дневник генерала Сухомлинова 1920, с. 226]. Запись от 23 февраля 1915 г.: «Громадный расход снарядов и энергичное требование пополнения их, а заводы наши не справляются (задержка в доставке угля), неподготовленность, отсутствие в стране изготовления станков. — Постоянные заказы за границей» [Дневник генерала Сухомлинова 1920, с. 228]. 25 февраля 1915 г.: «8-й месяц войны и непрерывных боёв сказываются в деле снабжения артил[лерийскими] снарядами [Дневник генерала Сухомлинова 1920, с. 228–229].

В целом из дневника видно, что Сухомлинов воспринимал нехватку снарядов как серьезную, но решаемую (и решаемую) проблему. Так же к ней относился и Николай II. Царь понимал, кто в действительности ответствен за нехватку снарядов (великий князь Сергей Михайлович) и кто может эту проблему решить. Для обеспечения армии всем необходимым Николай II создал Особое совещание по усилению снабжения действующей армии главнейшими видами довольствия.

Инициатором создания этого органа был председатель Государственной думы М. В. Родзянко (на тот момент друг Сухомлинова [Глинка 2001, с. 138]), за которым стояли видные представители петроградской тяжелой промышленности — А. И. Путилов и А. И. Вышнеградский. Они вместе с Родзянко приехали в Ставку верховного главнокомандующего в Барановичах, где в это время находился император. 12 мая Родзянко был принят царем и сумел убедить его в необходимости учреждения такого чрезвычайного органа во главе с В. А. Сухомлиновым [Крупина 1969, с. 58–63]. Проявив такт, царь сделал так, что Особое совещание создавалось не помимо верховного главнокомандующего (великого князя Николая Николаевича), а как бы по его воле. Сухомлинов в своем дневнике пишет об этом так (13 мая 1915 г.): «Верховный Главнокомандующий Николай Николаевич уполномочил меня, Сухомлинова, во главе Особого совещания принять “сверхмеры” к снабжению действующей армии артиллерийскими запасами, что одобрено Государем» [Дневник генерала Сухомлинова 1920, с. 232].

Таким образом, создание Особого совещания не ослабило, а укрепило позиции Сухомлинова. Вот что он пишет в дневнике от 14 мая: «...Первое заседание Совещания под моим председательством. Председатель Госуд[арственной] Думы громил Главное Артиллерийское Управление. Предлагал распоряжаться вне всяких законов и вешать кого угодно, не исполняющих моих распоряжений» [Дневник генерала Сухомлинова 1920, с. 232]. Особо подчеркнем: 14 мая Родзянко призывал вешать всех, кто не исполняет распоряжений Сухомлинова.

Однако вскоре после создания Особого совещания по снабжению Сухомлинов «впал в немилость у Родзянки». Председатель Государственной думы начал добиваться отставки военного министра [Глинка 2001, с. 138]. Когда же произошел перелом в отношениях Родзянко и Сухомлинова? На заседании Особого совещания, состоявшемся 27 мая 1915 г., Родзянко еще производил «патриотический шум», требуя диктаторской власти для Сухомлинова [Дневник генерала Сухомлинова 1920, с. 234]. П. Н. Милюков, выступая 7 июня на конференции партии кадетов, рисовал ситуацию следующим образом: «...Принято предложение Родзянко образовывать особую верховную комиссию, которая стояла бы выше всех существующих государственных учреждений и обладала бы особыми полномочиями. Комиссия эта и образовалась уже» [Кадеты... 1934, с. 129]. Еще раньше, 1 июня, Милюков разъяснял членам ЦК КДП: «...Сухомлинов пользуется этой комиссией для борьбы с Серг[еем] Мих[айловичем], близким к взяткам. Комиссия подбирает документы для того, чтобы свалить Серг[ея] Мих[айловича]» [Протоколы 1998, с. 90].

Но запись Сухомлинова от 7 июня уже фиксирует изменение ситуации. С. С. Хрулев (близкий к октябристам председатель правления Петроградского международного коммерческого банка) по секрету сообщил военному министру, что в Государственной думе решили его убрать. Однако в глазах Хрулева конфликт был, видимо, еще не слишком серьезен и мог быть разрешен. Для этого Хрулев по-

советовал Сухомлинову пригласить Родзянко на завтрак и в интимной беседе уверить того в желании работать совместно с ним и с Государственной думой. Предложение Хрулева вызвало протест Сухомлинова («Что это такое: предлагается мне поступать не так, как повелевает мне Государь, а так, как угодно будет Думе. На такой завтрак я не поеду») [Дневник генерала Сухомлинова 1920, с. 234].

На другой день военный министр понял, что Родзянко ему больше не друг. Вот запись от 8 июня: «Говорят А. И. Гучков орудует вовсю и программу свою ведет настойчиво, нахально и хитро. Родзянко у него играет роль тарана» [Дневник генерала Сухомлинова 1920, с. 234]. Свои установки Гучков провел через заседание ЦК партии «Союз 17 октября», состоявшееся в начале июня 1915 г. На заседании он заявил о смене «руководителей военного ведомства» как о свершившемся факте [Партия... 1996, с. 477–478]. М. В. Родзянко ничего не оставалось, как последовать линии партии. 9 июня генерал записал: «Родзянко советует мне подать в отставку, так как съехавшиеся думцы меня ругают и винят в неудаче на войне». Сухомлинов посчитал, что депутаты находятся под влиянием «немецкой провокации», и уходить отказался [Дневник генерала Сухомлинова 1920, с. 234–235]. Но 12 июня он уже записал в дневнике о получении рескрипта Николая II об увольнении, правда, очень милостивого и благожелательного [Дневник генерала Сухомлинова 1920, с. 235].

Первым впечатлением Сухомлинова (запись от 13 июня) было то, что за отставкой стоит один Николай Николаевич («В моем лице вел.[иким] кн.[язем] Николаем Ник.[олаевичем] “козел отпущения” найден» [Дневник генерала Сухомлинова 1920, с. 235]. Той же точки зрения генерал придерживался и в своих воспоминаниях, где написал о своем увольнении: «это — интрига, инсценированная великим князем Николаем Николаевичем». Кроме того, он сослался на подтверждение, данное ему министром двора графом Фредериксом [Сухомлинов 1926, с. 261–262].

В воспоминаниях генерал назвал и других недругов, способствовавших его отставке: «Для партий Государственной думы на первом плане стояли вопросы внутренней политики; для большинства октябристов под эгидой Гучкова и вплоть до крайних левых казалось, что наступила минута низвержения царской России. Они должны были напасть на тот пункт, где они думали найти доказательства того, что старый режим прогнил» [Сухомлинов 1926, с. 260–261]. В связи с этим нельзя согласиться с американским историком Томасом Риха, назвавшим отставку Сухомлинова лишь «победой для лидеров кадетов и прогрессистов» [Riha 1960, p. 19].

На наш взгляд, это была победа не только партий, но контрэлиты в целом. Такой успех был бы невозможен без разобщенности правящей элиты. Совет министров тогда был расколот. Одна его часть во главе с А. В. Кривошеиным желала сотрудничать с Государственной думой и ради этого стремилась убрать из правительства тех его членов (в том числе и Сухомлинова), которые вызывали раздражение депутатов. Но само раздражение, по крайней мере против В. А. Сухомлинова, стало результатом информационной атаки на военного министра, осуществленной тандемом А. И. Гучков — М. М. Андроников. Она отличалась от PR-кампании, организованной А. И. Гучковым в 1912 г., тем, что в ней не была активно задействована пресса. Причина — тиски военной цензуры. Но и в 1915 г. признаки применения пиар-технологий были налицо. Имело место адресное информационное воздействие на определенных лиц с целью непрямого их побуждения к действиям, необходимым организаторам PR-кампании.

Отметим, что к концу 1916 г. компромат, введенный в обращение в ходе PR-кампании против Сухомлинова, стал фактом массового сознания [Селезнев 2015, с. 255] и сыграл свою немалую роль в качестве одной из причин падения царского режима. Таким образом, пиар-технологии накануне Февральской революции становились все более эффективным оружием в политической борьбе.

Источники и литература

- Агентурные производства, поступившие в Верховную комиссию от генерал-квартирмейстера ГУГШ по наблюдению за князем М. М. Андрониковым // Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 962. Оп. 2. 1914 г. Д. 119.
- Айрапетов О. Р. «Дело Мясоедова». XX век начинается... // Вестн. Рязанск. гос. ун-та им. С. А. Есенина. 2009. № 3. С. 110–129.
- Александр Иванович Гучков рассказывает... Воспоминания Председателя Государственной думы и военного министра Временного правительства. М.: ТОО Редакция журнала «Вопросы истории», 1993. 144 с.
- Анонимные письма о шпионской деятельности и взяточничестве В. А. Сухомлинова // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1467. Оп. 1. 1915 г. Д. 736.
- Барк П. Л. Воспоминания последнего министра финансов Российской империи. 1914–1917: в 2 т. М.: Кучково поле, 2016. Т. 1. 492 с.
- Глинка Я. В. Одиннадцать лет в Государственной думе. 1906–1917. Дневник и воспоминания. М.: Новое литературное обозрение, 2001. 400 с.
- Дневник генерала Сухомлинова // Дела и дни. 1920. Кн. 1. С. 219–238.
- Евдокимов А. В. Виновен ли генерал Сухомлинов в снаряжном голоде Первой мировой? // Родина. 2015. № 10. С. 112–113.
- Евдокимов А. В. К вопросу о криминальной составляющей доходов В. А. Сухомлинова // Петербургский исторический журнал. 2016. № 1. С. 26–35.
- Евдокимов А. В., Селезнев Ф. А. Военный министр как «козел отпущения»: к вопросу о причинах отставки генерала В. А. Сухомлинова // История в подробностях. 2014а. № 6 (48). С. 30–33.
- Евдокимов А. В., Селезнев Ф. А. Увольнение военного министра В. А. Сухомлинова и негласные контакты между Россией и Германией в 1914–1915 гг. // Первая мировая война. Взгляд из XXI века. Россия и Нижегородская губерния в 1914–1918 гг. Сб. статей / сост. и науч. ред. Ф. А. Селезнев. Н. Новгород: ДЕКОМ, 2014б. С. 203–206.
- Кадеты в дни Галицийского разгрома 1915 г. // Красный архив. 1934. № 4 (59). С. 110–144.
- Катков Г. М. Февральская революция. М.: Русский путь, 1997. 426 с.
- Коковцов В. Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1911–1919. М.: Современник, 1991. 590 с.
- Крупина Т. Д. Политический кризис 1915 г. и создание Особого совещания по обороне // Исторические записки. Т. 83. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1969. С. 58–76.
- Курлов П. Г. Гибель императорской России. М.: Современник, 1991. 255 с.
- Милюков П. Н. Воспоминания. М.: Политиздат, 1991. 528 с.
- Мионов Б. Н. Благосостояние населения и революции в имперской России: XVIII — начало XX века. М.: Изд-во «Весь мир», 2012. 848 с.
- Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного правительства. Т. I. Л.: Гос. изд-во, 1924. 433 с.
- Партия «Союз 17 октября»: Протоколы съездов, конференций, заседаний ЦК. 1905–1915 гг. Т. 2. Протоколы III съезда, конференций и заседаний ЦК. М.: РОССПЭН, 1996. 511 с.
- Переписка В. А. Сухомлинова с Н. Н. Янушкевичем // Красный архив. 1923. № 3 (3). С. 29–74.
- Поливанов А. А. Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника 1907–1916 гг. М.: Высший военный редакционный совет, 1924. 240 с.
- Представительные учреждения Российской империи в 1906–1917 гг. Материалы перлюстрации Департамента полиции. М.: Политическая энциклопедия, 2014. 718 с.
- Протоколы Центрального комитета конституционно-демократической партии. Т. 3. 1915–1920 гг. М.: РОССПЭН, 1998. 590 с.
- Романов А. В. Военный дневник великого князя Андрея Владимировича Романова (1914–1917). М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2008. 448 с.

- Руднев В. М. Правда о царской семье // Русская летопись. Книга вторая. Париж: Русский очаг, 1922. С. 39–58.
- Селезнев Ф. А. Вопрос о сепаратном мире между Россией и Германией в материалах перлюстрации 1916 г. // Петербургский исторический журнал. 2015. № 4 (8). С. 249–259.
- Стенограммы заседаний суда по делу Сухомлинова 23–26 августа 1917 г. // Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 962. Оп. 2. Д. 145.
- Стогов Д. И. Салон князя М. М. Андроникова и система власти в Российской империи // Клио. 2006. № 3. С. 127–132.
- Стогов Д. И. Деятельность князя М. М. Андроникова в годы Первой мировой войны // Первая мировая война. Взгляд из XXI века. Россия и Нижегородская губерния в 1914–1918 гг. Сб. статей / сост. и науч. ред. Ф. А. Селезнев. Н. Новгород: ДЕКОМ, 2014. С. 158–169.
- Сухомлинов В. А. Воспоминания Сухомлинова. М.; Л.: Гос. изд-во, 1926. 334 с.
- Тарсаидзе А. Г. Четыре мифа о Первой мировой: Дело о мобилизации 1914 г.; Дело Мясоедова; Дело Сухомлинова; Дело Протопопова («Стокгольмская история»). М.: Кучково поле; Гиперборея, 2007. 480 с.
- Фрейнат О. Г. Правда о деле Мясоедова и др. По официальным документам и личным воспоминаниям. [Б. м.], [Б. и.], 1918. 171 с.
- Фуллер У. Внутренний враг: Шпионизм и закат императорской России. М.: Новое литературное обозрение, 2009. 376 с.
- Хутарев-Гарнишевский В. В. Осиное гнездо провокации. Политический сыск в армии в преддверии Первой мировой // Родина. 2010. № 10. С. 85–87.
- Шацилло К. Ф. «Дело» полковника Мясоедова // Вопросы истории. 1967. № 4. С. 103–116.
- Шульгин В. В. Годы. Дни. 1920. М.: Новости, 1990. 828 с.
- Freeze Gregory L. The Orthodox Church and Emperor Nicholas II: A Confrontation over Divorce in Late Tsarist Russia // Страницы русской истории. Проблемы, события, люди. Сб. статей в честь Бориса Васильевича Ананьича / сост. В. М. Панеях и др. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 195–200.
- Riha T. Miliukov and The Progressive Bloc in 1915: A Study in Last-Chance Politics // The Journal of Modern History. 1960. Vol. 32, N1, March. P. 16–24.

References

- Agenturnye proizvodstva, postupivshie v Verkhovnyuyu komissiyu ot general-kvartirmeisterra GUGSh po nablyudeniyu za knyazem M. M. Andronikovym. Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv (RGVIA), f. 962, op. 2. 1914 g., d. 119. (In Russian, unpublished)
- Airapetov O. R. “Delo Myasoedova”. XX vek nachinaetsya... *Vestnik of Ryazan State University named S. A. Esenin*, 2009, no. 3, pp. 110–129. (In Russian)
- Aleksandr Ivanovich Guchkov rasskazyvaet... *Vospominaniya Predsedatelya Gosudarstvennoi dumy i voennogo ministra Vremennogo pravitel'stva*. Moscow, Voprosy istorii Publ., 1993, 144 p. (In Russian)
- Anonimnye pis'ma o shpionskoi deyatel'nosti i vzyatochnichestve V. A. Sukhomlinova. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF)*, f. 1467, op. 1. 1915 g., d. 736. (In Russian, unpublished)
- Bark P. L. *Vospominaniya poslednego ministra finansov Rossiiskoi imperii. 1914–1917*. In 2 vols. Volume 1, tom 1. Moscow, Kuchkovo pole Publ., 2016, 492 p. (In Russian)
- Glinka Y. V. *Odinnadtsat' let v Gosudarstvennoi dume. 1906–1917: Dnevnik i vospominaniya*. Moscow, NLO Publ., 2001, 400 p. (In Russian)
- Dnevnik generala Sukhomlinova. *Dela i dni [Deals and Days]*, 1920, Book 1, pp. 219–238. (In Russian)
- Evdokimov A. V. Vinoven li general Sukhomlinov v snaryadnom golode Pervoi mirovoi? *Rodina*, 2015, no. 10, pp. 112–113. (In Russian)
- Evdokimov A. V. K voprosu o kriminal'noi sostavlyayushchei dokhodov V. A. Sukhomlinova. *Peterburgskii istoricheskii zhurnal*, 2016, no. 1, pp. 26–35. (In Russian)
- Evdokimov A. V., Seleznev F. A. Voennyi ministr kak «kozol otpushcheniya»: k voprosu o prichinakh otstavki generala V. A. Sukhomlinova. *Istoriya v podrobnostyakh*, 2014a, no. 6 (48), pp. 30–33. (In Russian)
- Evdokimov A. V., Seleznev F. A. Uvol'nenie voennogo ministra V. A. Sukhomlinova i neglasnye kontakty mezhdu Rossiei i Germaniei v 1914–1915 gg. *Pervaya mirovaya voina. Vzglyad iz XXI veka. Rossiya i Nizhegorodskaya guberniya v 1914–1918 gg.* Collection of articles. Ed. by F. A. Seleznev. Nizhny Novgorod, DECOM Publ., 2014b, pp. 203–206. (In Russian)
- Kadety v dni Galitsiiskogo razgroma 1915 g. *Krasnyi arkhiv [Red Archive]*, 1934, no. 4 (59), pp. 110–144. (In Russian)

- Katkov G. M. *Fevral'skaya revolyutsiya*. Moscow, Russkiy put' Publ., 1997, 426 p. (In Russian)
- Kokovcov V. N. *Iz moego proshlogo. Vospominaniya 1911–1919*. Moscow, Sovremennik Publ., 1991, 590 p. (In Russian)
- Krupina T. D. Politicheskii krizis 1915 g. i sozdanie Osobogo soveshchaniya po oborone. *Istoricheskie zapiski*. Volume 83. Moscow, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1969, pp. 58–76. (In Russian)
- Kurlov P. G. *Gibel' imperatorskoj Rossii*. Moscow, Sovremennik Publ., 1991, 255 p. (In Russian)
- Miljukov P. N. *Vospominaniya*. Moscow, Politizdat, 1991, 528 p. (In Russian)
- Mironov B. N. *Blagosostoyanie naseleniya i revolyutsii v imperskoj Rossii: XVIII — nachalo XX veka*. Moscow, Ves' mir Publ., 2012, 848 p. (In Russian)
- Padenie tsarskogo rezhima. Stenograficheskie otchety doprosov i pokazanii, dannykh v 1917 g. v Chrezvychainoi Sledstvennoi Komissii Vremennogo pravitel'stva*. Volume 1. Leningrad, State Publ., 1924, 433 p. (In Russian)
- Partiya "Soyuz 17 oktyabrya": Protokoly s'ezdov, konferentsii, zasedanii TsK. 1905–1915 gg.* Volume 2. *Protokoly III s'ezda, konferentsii i zasedanii TsK*. Moscow, ROSSPEN Publ., 1996, 511 p. (In Russian)
- Perepiska V. A. Sukhomlinova s N. N. Yanushkevichem. *Krasnyi arkhiv*, 1923, no. 3 (3), pp. 29–74. (In Russian)
- Представител'nye uchrezhdeniya Rossiiskoi imperii v 1906–1917 gg.: Materialy perlyustratsii Departamenta politzii*. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya Publ., 2014, 718 p. (In Russian)
- Polivanov A. A. *Iz dnevnikov i vospominanii po dolzhnosti voennogo ministra i ego pomoshchnika 1907–1916 gg.* Moscow, Vysshii voennyi redaktsionnyi sovet Publ., 1924, 240 p. (In Russian)
- Protokoly Tsentral'nogo komiteta konstitutsionno-demokraticheskoi partii*. Volume 3. 1915–1920. Moscow, ROSSPEN Publ., 1998, 590 p. (In Russian)
- Romanov A. V. *Voennyi dnevnik velikogo knyazya Andrey Vladimirovicha Romanova (1914–1917)*. Moscow, Sabashnikov's Publ., 2008, 448 p. (In Russian)
- Rudnev V. M. *Pravda o tsarskoi sem'e. Russkaya letopis'*. Book 2. Paris, Russkii ochag Publ., 1922, pp. 39–58. (In Russian)
- Seleznev F. A. Vopros o separatnom mire mezhdu Rossiei i Germaniei v materialakh perlyustratsii 1916 g. *Peterburgskii istoricheskii zhurnal*, 2015, no. 4(8), pp. 249–259. (In Russian)
- Stenogrammy zasedanii suda po delu Sukhomlinova 23–26 avgusta 1917 g. *Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv (RGVIA)*, f. 962, op. 2, d. 145. (In Russian, unpublished)
- Stogov D. I. Salon knyazya M. M. Andronikova i sistema vlasti v Rossiiskoi imperii. *Klio*, 2006, no. 3, pp. 127–132. (In Russian)
- Stogov D. I. *Deyatel'nost' knyazya M. M. Andronikova v gody Pervoi mirovoi voiny. Pervaya mirovaya voina. Vzgl'yad iz XXI veka. Rossiya i Nizhegorodskaya guberniya v 1914–1918 gg.* Collection of articles. Ed. by F. A. Seleznev. Nizhny Novgorod, DECOM Publ., 2014, pp. 158–169. (In Russian)
- Sukhomlinov V. A. *Vospominaniya Sukhomlinova*. Moscow; Leningrad, State Publ., 1926b, 334 p. (In Russian)
- Tarsaidze A. G. *Chetyre mifa o Pervoi mirovoi: Delo o mobilizatsii 1914 g.; Delo Myasoedova; Delo Sukhomlinova; Delo Protopopova ("Stokgol'mskaya istoriya")*. Moscow, Kuchkovo pole Publ.; Giperboreya Publ., 2007, 480 p. (In Russian)
- Freinat O. G. *Pravda o dele Myasoedova i dr. Po ofitsial'nym dokumentam i lichnym vospominaniyam*. [S.l.], [S.n.], 1918, 171 p. (In Russian)
- Fuller U. *Vnutrennii vrag: Shpionomaniya i zakat imperatorskoj Rossii*. Moscow, NLO Publ., 2009, 376 p. (In Russian)
- Khutarev-Garnishevskii V. V. Osinoe gnezdo provokatsii. Politicheskii sysk v armii v preddverii Pervoi mirovoi. *Rodina*, 2010, no. 10, pp. 85–87. (In Russian)
- Shatsillo K. F. "Delo" polkovnika Myasoedova. *Voprosy istorii*, 1967, no. 4, pp. 103–116. (In Russian)
- Shul'gin V. V. *Gody. Dni. 1920*. Moscow, Novosti Publ., 1990, 828 p. (In Russian)
- Freeze Gregory L. The Orthodox Church and Emperor Nicholas II: A Confrontation over Divorce in Late Tsarist Russia. *Stranitsy russkoi istorii. Problemy, sobytiya, lyudi*. Collection of articles in honour of Boris Vasil'evich Anan'ich. Ed. by V. M. Paneyakh and others. St. Petersburg, Dmitry Bulanin Publ., 2003, pp. 195–200.
- Riha T. Miliukov and The Progressive Bloc in 1915: A Study in Last-Chance Politics. *The Journal of Modern History*, 1960, volume 32, no. 1, March, pp. 16–24.

Received: 28.02.2017

Accepted: 10.08.2017